

Кондрашкина Е. А. Русский язык в контексте языковой политики в финно-угорских республиках РФ / Е. А. Кондрашкина // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 172—185. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-172-185.

Kondrashkina, E. A. (2019). Russian Language in the Context of Language Policy in the Finno-Ugric Republics of the Russian Federation. *Nauchnyi dialog*, 10: 172-185. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-172-185. (In Russ.).

УДК 811.161.1+811.511.1+81'272(470.51)(470.13)(470.343)(470.345)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-172-185

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РФ

© Кондрашкина Елена Алексеевна (2019), orcid.org/0000-0002-4839-2432, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), e.kondrashkina@inbox.ru.

Рассматриваются особенности функционирования русского языка в четырех финно-угорских республиках Российской Федерации, народы которых вошли в Русское государство в XV—XVI веках. Прокомментированы последствия насильственной христианизации финно-угорских народов. Охарактеризованы демографические особенности республик, а также современное соотношение русского и титульного населения. На основании данных о сокращении титульного населения ставится вопрос о возможности называть эти республики финно-угорскими. Подробно рассматривается современное положение русского и государственных финно-угорских языков в важнейших сферах общения. Особое внимание уделяется правовым актам, устанавливающим статус языков в этих республиках, а именно — законам о языках. Делаются выводы о влиянии законов на языковую ситуацию и языковую компетенцию населения республик. Определяются характерные типы билингвизма в этих регионах. Констатируется доминирующее положение русского языка. Утверждается, что национальные языки не могут конкурировать с русским. Делается прогноз о дальнейшем развитии ситуации, в частности, о функционировании национальных титульных языков и русского как государственных. Новизна данного исследования заключается в соединении исторических и современных данных, позволяющих дать полную картину влияния русского языка на ситуацию в республиках, изучить причины его распространения и доминирования в названных республиках.

Ключевые слова: финно-угры; русский язык; государственные языки; языковая ситуация; языковая политика; законы о языках; национально-русский билингвизм; система образования.

1. Введение

Финно-угорские республики России — это Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртская Республика.

Марий Эл, Мордовия и Удмуртская Республика входят в состав Приволжского федерального округа, Республика Коми — в Северо-Западный федеральный округ. По данным Российского статистического ежегодника на 1 января 2018 года, население Республики Коми насчитывало 840,9 тыс. чел., Марий Эл — 683,3 тыс., Мордовии — 805,0 тыс. и Удмуртской Республики — 1513,0 тыс. чел. [Россия ..., 2018, с. 54, 56].

Народы этих регионов являются коренным населением, которое с давних времен проживает на территории Поволжья, Приуралья и крайнем северо-востоке Европейской части России. Марийцы вплоть до XX века были известны в русских и иностранных источниках под этнонимом *черемисы*, что трактовалось как «кочевой» и как «мужчина из племени “чере”» [Никитина, 2005, с. 23]. Представители этого народа делятся на луговых, горных и восточных. В пределах Марий Эл проживают горные и луговые марийцы, восточные — за пределами республики. Постоянные контакты марийцев с русским населением прослеживаются примерно с XIII века. Русские княжества, захватывая новые земли и двигаясь на восток, включали в свой состав земли, на которых проживали марийцы, мордва и удмурты. В российское подданство в 1551 году вступили сначала горные марийцы, а в 1552 году — луговые [Свечников, 2005, с. 35].

Этноним *мордва* обозначает две субэтнические группы — эрзя и мокша. Они близки по языку и культуре, но имеют отличия в этническом самосознании. Впервые этноним *мордва* был упомянут в древнерусских источниках в XI веке. Он служил для обозначения «мужа» (*мирде*). Лексемы *мокиша* и *эрзя* появились позже, так как русские сначала воспринимали их как единый народ. С IX века мордва находилась под влиянием Волжской Булгарии, но в XI веке ее земли попали в зону внимания русских князей. Окончательное присоединение к русскому государству произошло в XVI веке [Кондрашкина, 2017, с. 229].

Удмурты (древние названия — *вотяки*, *одморт*, *одмурт*, *урморт*) первые контакты с русским населением имели в X—XI веках в Вятском крае. Представители этого народа делятся на северных и южных. Северные удмурты называют себя *удмурт*, *укмурт*, *урдмурт*, южные — *удмурт*. Слово *уд* — название племени, обитавшего в X—XII веках на камском правобережье, ниже р. Вятки. Предположительно слово *уд* когда-то означало ‘луг, дёрн’, поэтому некоторые удмуртские племена назывались *луговыми*. Слово *мурт* (*морт*) — это человек. Отметим, что наименование *вотяки* удмуртами воспринимается как прозвище, оскорбляющее их достоинство [Тепляшина, 1995, с. 260—261]. Северные и южные удмурты заметно различаются с точки зрения используемого языка и особенностей культуры. Это обусловлено тем,

что северные удмурты длительное время находились под русским влиянием, а южные — под тюркским (татарским). Контакты с русскими отмечаются с XII века, сначала спасаясь от татаро-монгольского нашествия, а позднее от властей, русские крестьяне бежали на территории проживания удмуртов, нередко сгоняя их с насиженных мест, а иногда поселяясь в одних с удмуртами деревнях. С августа 1489 года северные удмурты входят в состав Великого Московского княжества. Южные удмурты остаются под властью булгар, а после их разгрома входят в состав Золотой Орды. В 1558 году удмурты Севера и Юга полностью вошли в состав Русского государства [Там же, с. 262].

Этноним *коми* является самоназванием как зырян, так и пермяков. Он расшифровывается этимологами как ‘человек, мужчина’. С XVI—XVII веков северные коми стали называться словом *сирене* (*сиряне, зыряне*), которое в русский язык было заимствовано из языка манси (*саран*, то есть *коми*). До VIII века коми-зыряне и пермяки составляли единую общность и проживали совместно на территории верхней части бассейна р. Камы. Распад пермской общности произошел в конце VIII века, а около X—XI веков часть народа коми переселилась на территорию современной Республики Коми, образовав относительно самостоятельную зырянскую общность.

Начиная с XI века древние коми устанавливали тесные контакты с русским населением, особо интенсивными они были в XII—XV веках. В 1472 году Иван III присоединил к Русскому государству верхнекамские земли, называвшиеся тогда Пермью Великой [Чагин, 2001, с. 154].

Включение региона в состав России, как отмечал марийский ученый К. Н. Сануков, имело важные последствия для судеб народов, проживающих на его территории. Общение и контакты с русскими сформировали общие черты материальной культуры и быта, но в то же время духовная культура, традиции, языковая жизнь подверглись разрушительному воздействию христианизации и политики русификации [Сануков, 2001, с. 129].

2. Христианизация и ее последствия

Массовое крещение «инородцев», «иноверцев», как тогда называли нерусское население, началось в 40-е годы XVIII столетия. До этого финно-угорские народы придерживались традиционной этнической религии, которая характеризовалась развитостью и сложностью: особые служители культа, специальные места молений, обряды со строго регламентированными культовыми ритуалами — то, что принято называть язычеством [Садиков 2009, с. 35—36]. Процесс христианизации осуществлялся на русском языке и носил насильственный характер, что вызывало противодействие со стороны финно-угров. Но имели место и случаи, когда христианство

принимали добровольно целыми семьями. Например, уже к 1741 году численность новокрещенных марийцев составляла 12 026 чел., то есть около 12 % от всей численности марийского населения в те годы [Тойдыбекова, 2007, с. 44]. В то же время среди удмуртов за 1741 и январь 1742 приняли православие всего 806 чел., но уже к 1752 году эта цифра достигла 11 016 чел. [Садиков, 2009, с. 37]. Как пишет Р. Р. Садиков, «язычников заставляли силой или непомерными налогами и угрозой рекрутчины принять новую религию. Были осквернены и разрушены их святилища и другие культовые объекты <...> Под угрозой наказания они были вынуждены посещать церковь, соблюдать церковные традиции. Но в то же время они не переставали совершать “языческие жертвоприношения”» [Там же, с. 37]. Таким образом, переход финно-угров в православие носил, в большинстве случаев, формальный характер, но христианизация сыграла большую роль в распространении русского языка, так как первоначально проводилась исключительно на русском. Более того, православие способствовало распространению грамотности среди местного населения.

Первые народные училища, открытые для «иностранцев» в конце XVIII — первой половине XIX веков, и все просветительское движение в целом использовали русский язык. Государственная политика в области образования для «иностранцев» была сформулирована тогдашним министром народного просвещения С. С. Уваровым: «Основной целью школьной политики является умственное слияние враждебных начал, правда, с перевесом русского» [Кондрашкина, 2008, с. 28].

Поскольку распространение православия на русском языке не приносило желаемых результатов, власти Русского государства стали готовить священников со знанием языка финно-угров. В 1870 году в Казани была открыта русско-иностранческая учительская семинария, а для подготовки христианской литературы на родных языках народов Поволжья была создана специальная переводческая комиссия «Братство святителя Гурия», которую возглавил известный в те времена просветитель Н. И. Ильминский [Патрушев, 2001, с. 97]. Но тем не менее большинство финно-угров не до конца понимали суть христианства и приспосабливали его к языческим представлениям. Так, например, Пасха у мордвы превратилась в день поминовения умерших. Как отмечает В. Патрушев, для финно-угров Поволжья и Приуралья характерно двоеверие — христианско-языческий культ [Там же, с. 97]. Такой синкретизм характеризует финно-угров и в настоящее время, когда после продолжительного гонения стало возрождаться язычество.

Насильственная христианизация привела к тому, что «иностранцы» для спасения своей веры стали массово покидать родные места и переселяться

на восток: в Башкирию, Татарстан и другие регионы, где не проводилась христианизация. Крупные общины финно-угров вне традиционных мест проживания заложили основы диаспор. По мнению финского ученого С. Лаллуки [Лаллука, 1999, с. 48], диаспоризация финно-угорского населения, особенно мордвы и марийцев, достигает внушительных размеров, поскольку каждый второй представитель этих народов живет за границами соответствующего национально-государственного образования.

У отдельных народов диаспоризация достигает значительных показателей, например, согласно переписи 2010 года, у мордвы — 55,2 %, у марийцев — 46,9 %, у удмуртов — 25,7 % [Итоги ..., 2012, с. 86—88, 90—91]. Наиболее крупные диаспоры финно-угров сосредоточены в регионах России следующим образом: мордва — Самарская обл. — 65 447 чел., Пензенская обл. — 54 703, Ульяновская обл. — 38 977, Башкортостан — 20 300, Татарстан — 19 156, Нижегородская обл. — 19 138; марийцы — Башкортостан — 103 658 чел., Кировская обл. — 29 598, Свердловская обл. — 23 801, Татарстан — 18 848, Нижегородская обл. — 6415; удмурты — Татарстан — 23 454, Башкортостан — 21 477, Пензенская обл. — 20 819, Кировская обл. — 13 639 чел. [Там же, с. 55—91]. Что касается народа коми, то его численность в РФ достигает 228 235 чел., из которых 202 348 чел. проживают на территории своей республики [Там же, с. 14], остальные рассеяны по разным регионам России. Самые крупные общины коми зарегистрированы в Ямало-Ненецком АО — 5141 чел., в Архангельской области — 4583 чел. и в Ненецком АО — 3623 чел. [Там же, с. 172, 208]. В некоторых других областях коми немногочисленны: несколько десятков человек или даже несколько человек.

3. Демографическая характеристика

Демографические данные в финно-угорских республиках таковы, что возникает вопрос: могут ли эти республики называться финно-угорскими, если русское население в них преобладает, а титульное сокращается с каждой новой переписью. Ученые из Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии в своей статье [Языковая политика ..., 2018, с. 66] приводят данные о сокращении титульного населения в республиках (табл. 1) в соответствии с результатами переписи.

Что касается русского населения (табл. 2), то для сравнения представим данные двух переписей 2002 года [Перепись, 2002] и 2010 года [Итоги ..., 2012, с. 56, 86—88, 91].

Как видно из таблицы, доля русского населения в трех республиках тоже сокращалась, особенно резко в Мордовии. Увеличился этот показатель толь-

Таблица 1

Доля титульного населения республик с финно-угорским населением
(в %).

Регион	1939	1979	1989	2002	2010
Р. Марий Эл	47,2	43,5	43,3	42,9	41,8
Р. Мордовия	34,1	34,3	32,5	31,9	32,1
Р. Удмуртия	39,4	32,2	30,9	29,3	27,0
Р. Коми	72,5	25,3	23,3	25,2	22,5

Таблица 2

Доля русского населения республик с финно-угорским населением

Регион	2002	2010
Р. Марий Эл	47,5	45,1
Р. Мордовия	60,8	53,2
Р. Удмуртия	60,1	60,0
Р. Коми	59,6	61,7

ко в Коми. Отметим здесь, что, кроме титульного населения, представители других народов, проживающие в этих республиках, также в основном являются русскоговорящими, поэтому общее количество знающих и использующих русский язык намного превышает долю говорящих на титульных языках. Так, согласно переписи 2010 года, владеют русским языком: в Коми — 99,7 % всего населения, в Марий Эл — 99,2 %, в Мордовии — 99,7 % [Итоги ..., 2012, с. 192], в Удмуртии — 99,7 % [Там же, с. 194].

Авторы указанной выше статьи [Языковая политика ..., 2018] вместо обозначения *финно-угорские республики* используют термин *республики с финно-угорским населением*, что вполне оправданно, если исходить из демографических данных. Однако такое положение, когда русское население составляет большинство, а титульное — меньшинство, существует и в ряде других республик, в связи с чем название *республики с финно-угорским* (или каким-то другим) *населением*, хотя и более обоснованно отражает сложившуюся демографическую ситуацию, однако, на наш взгляд, может найти применение только в научной литературе.

4. Русский язык в правовом поле четырех республик

После распада СССР в 1993 году была принята Конституция Российской Федерации, в статье 68 которой говорилось: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык»,

и далее: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации» [цит. по: Орешкина, 2016, с. 836]. Но еще до принятия Конституции, в 1991 году, вступил в силу Закон «О языках народов РСФСР», где в главе I, статье 3 объявлялся статус русского языка как государственного языка РСФСР, а республикам, входящим в ее состав, было дано право самостоятельно принимать решение о правовом положении языков народов, проживающих на их территориях. Иными словами, юридически утверждалось двуязычие государственных языков — русского и национального языка титульной нации.

Республика Коми первой из 4-х рассматриваемых регионов в мае 1992 года приняла Закон «О государственных языках Республики Коми», в котором государственными объявлялись языки коми и русский. В октябре 1995 года был принят Закон «О языках в Республике Марий Эл», государственными языками провозглашались марийский (горный и луговой) и русский, одновременно средством межнационального общения становился русский язык [Орешкина, 2016, с. 843]. В мае 1998 года был принят Закон «О государственных языках в Республике Мордовия», согласно которому государственными стали русский и мордовский (мокшанский и эрзянский). В декабре 2001 года Удмуртия приняла Закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», который объявлял государственными русский и удмуртский языки, а средством межнационального общения — русский. Таким образом, в Марий Эл и Мордовии государственными языками становились три языка, в Коми и Удмуртии — два. Эти законы о языках, являясь первыми, со временем утрачивали силу, устаревали, в них вносились бесконечные поправки и уточнения, но они «возвестили о начале нового этапа в языковом строительстве России, названного “парадом законов”» [Там же, с. 842].

Интересно отметить, какое место русский язык занимал в формулировке законов этих четырех республик. Мордовия и Удмуртия на первое место поставили русский язык, что вполне объяснимо, поскольку он является государственным языком РФ, а Коми и Марий Эл поставили русский на второе место вслед за своими титульными языками, что кажется не вполне корректным.

Рассмотрим законы о языках в статьях, регулирующих использование русского и титульных государственных языков в сфере государственной и республиканской власти, официальном общении в государственных учреждениях.

В законе Республики Коми в главе III, в статьях 7—13 говорится об использовании государственных языков коми и русского в деятельности органов государственной власти и управления на равных условиях [Закон ..., 1992].

В законе Республики Марий Эл в главе III, в статьях 14—18 также провозглашается использование языков марийского (горного и лугового) и русского на равных условиях в органах государственной власти и административной деятельности, но в статье 20 предлагаются бюллетени для голосования на референдуме в Республике Марий Эл, избирательные бюллетени, которые должны печататься на русском языке. По решению соответствующей избирательной комиссии, избирательные бюллетени и бюллетени референдума печатаются на русском и марийском (горном, луговом) языках, а в необходимых случаях — на том языке населения, которым оно владеет.

Если для избирательного участка, участка референдума печатаются бюллетени на двух и более языках, текст на русском языке должен помещаться в каждом бюллетене [Закон ..., 1995].

В Законе о государственных языках Республики Мордовия, несмотря на провозглашение мордовских языков государственными, допускается их использование «при необходимости» в некоторых сферах, например, статья 11 третьего раздела гласит: «Делопроизводство в органах государственной власти Республики Мордовия, органах местного самоуправления, в правоохранительных органах, судопроизводство и нотариальное делопроизводство осуществляется на русском, а при необходимости — также на мордовском (мокшанском или эрзянском) языках» [Закон ..., 1998]. Такая же формулировка встречается в статье 17 четвертого раздела, где речь идет о делопроизводстве и переписке в учреждениях и организациях, и в статье 20 того же раздела, где говорится об этикетках, стандартах и номенклатурных списках товаров, производимых в Мордовии [Там же].

В Законе «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской республики» в главах IV и V декларируется использование русского и удмуртского языков в органах государственного управления, при подготовке и проведении выборов, в официальной переписке на равных условиях; при этом так же, как в других республиках, избирательные бюллетени и бюллетени для голосования на референдуме должны печататься на русском, но по специальному решению избирательной комиссии — на русском и удмуртском [Закон ..., 2001].

Таким образом, в республиках с финно-угорским населением, за исключением Мордовии, статус русского и титульных языков равноправен

де-юре. В Мордовии же закон дает преимущество русскому языку. Однако де-факто во всех республиках доминирует русский язык.

5. Функционирование русского языка в основных сферах общения и влияние законов о языках на языковую ситуацию в регионе

После принятия законов о языках в республиках были разработаны программы по развитию языков и реализации законов, выделены средства. Программы вроде бы выполнялись: можно отметить, что на улицах стала чаще слышна речь на родных языках, появились надписи с названиями улиц и некоторых предприятий на двух языках, русском и национальном, увеличилось количество книг и учебников на национальных языках, однако заметных изменений отмечается немного. По-прежнему почти нет передач радио и телевидения: кроме коротких новостей на местных языках, государственные титульные языки так и не используются в официальной коммуникации, деловом общении. В городах даже в семейно-бытовой сфере русский язык все чаще теснит национальные языки. Авторы из финно-угорских республик в статье о языковой политике и языковой ориентации населения, приводя различные доказательства, утверждают, что «статус языков мало влияет на их престиж, функциональные возможности и востребованность языка среди его потенциальных носителей. Финно-угры, особенно молодежь, продолжают активно переходить на использование русского языка» [Языковая политика ..., 2018, с. 71]. Данные переписи населения 2010 года свидетельствуют, что русский не только является основным языком общения, но и признается родным 37,1 % коми, 20,2 % марийцев, 18 % мордвы, 43,9 % удмуртов от общего числа всего титульного населения республик [Там же, с. 64]. Причем смена языка или языковой сдвиг осуществляются людьми вполне сознательно, в качестве личного выбора каждого, потому что нужно знать русский язык для получения высшего образования, так как программы вузов реализуются только на русском языке, знание русского языка дает возможности для передвижения по стране, трудоустройства, приобщения к мировой культуре и литературе. Кроме того, основной государственный экзамен (ОГЭ) и итоговая государственная аттестация (ЕГЭ) предусмотрены только на русском языке. В школьном образовании, которое является одной из основных сфер общественного развития, русский язык — обязательный предмет во всех программах. По данным на 2015 / 2016 учебный год, всего в государственных образовательных учреждениях РФ обучались 14 043 396 детей. Как средство обучения русский язык использовали 13 896 175 учащихся. Число детей, изучающих

национальные языки как средство обучения, составляло 258 453 чел., как предмет — 1 547 745 чел. [Горячева, 2018, с. 21], то есть на русском языке обучалось 98,95 % всех учащихся.

Естественно, что в таких условиях двуязычие, которое предусматривалось законами о языках, носит односторонний характер: распространено только национально-русское двуязычие, а русско-национальное насчитывает единичные случаи. При доминировании русского языка русскому населению нет необходимости изучать титульные языки. Перепись 2010 года свидетельствует о том, что количество русских, владеющих языками коренного населения, незначительно, поскольку к этой группе принадлежат только люди, которые оканчивали национальные школы, длительно проживали среди носителей других языков или нуждались в знании второго языка в силу своей служебной деятельности. Так, в Марий Эл марийскими языками владели — 1,45 % русских, в Мордовии мордовскими — 1,02 %, в Коми коми-зырянским — 2,04 %, в Удмуртской Республике удмуртским — 1,26 % [Итоги ..., 2012, с. 92—93].

В целом в административном управлении, делопроизводстве, официальной переписке, законодательстве, судопроизводстве, СМИ, науке, транспорте, промышленном производстве и других сферах доминирует русский язык, а национальные государственные языки находятся в состоянии софункционирования с ним, когда возникает необходимость. Например, в судебных делах, если обвиняемый, истец или свидетель не владеют русским языком, к процессу привлекается переводчик. Распространена точка зрения, что функциональная ограниченность национальных языков связана с неразвитостью терминологических систем и, хотя издаются терминологические словари, ими почти не пользуются. Но причина видится в другом: русским языком владеет почти все население республик, а национальными языками владеет лишь некоторое количество финно-угров, и ими практически не владеет русское и русскоязычное население. В связи с этим при использовании финно-угорских языков в официальных сферах, о которых говорилось выше, потребуется большое количество переводчиков. Еще одним важным фактором является то, что все республики РФ тесно связаны с центральными федеральными органами власти и соответственно используют для этих связей русский язык.

6. Заключение

В результате вхождения финно-угров в Россию она стала оформляться как полиэтническое государство, в котором первой неславянской составляющей русской государственности стал финно-угорский компонент.

С русским языком финно-угорское население познакомилось давно: как в результате контактов с русским населением, так и в процессе христианизации и вхождения в Русское государство.

Активно насаждался русский язык в советское время, поскольку интересы страны требовали от его граждан знания основного государственного языка. Начало русификации было положено в конце 30-х годов XX века и продолжается до настоящего времени.

Современное доминирующее положение русского языка в республиках с финно-угорским населением стабильно прочное по ряду причин: одной из них является демографическая ситуация, которую не может изменить даже самая конструктивная языковая политика. Полагаем, что с годами языковой сдвиг будет становиться более масштабным, учитывая тенденцию увеличения доли городского населения среди коми, марийцев, мордвы и удмуртов в последние годы, а языком города обычно является русский.

Невостребованность национальных языков также является одной из причин утраты интереса к ним, поскольку, даже зная национальный язык в совершенстве, работать преподавателем в школе или на филологических факультетах в вузах — практически единственная возможность использовать свои знания.

Изменить отношение к национальным государственным языкам, хотя бы с точки зрения психологического настроя носителей, можно лишь создавая условия для их функционирования в сфере образования, увеличивая количество часов на их изучение и число предметов, преподавание которых будет вестись на национальных языках, а также формируя общественное мнение о престижности родного языка и его значимости для сохранения национальной культуры и национальной идентичности.

Источники

1. *Всероссийская перепись 2002 года* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.perepis2002.ru.

2. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* в 11 томах : официальное издание. — Т. 4, Кн. 1. — Москва : Статистика России, 2012. — 2101 с.

3. *О государственных языках Республики Коми* : Закон от 28 мая 1992 года (с изменениями на 20.06.2016) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : docs.cntd.ru/document/951605071.

4. *О государственных языках Республики Мордовия* : Закон от 6 мая 1998 года № 19-З (с изменениями на 5 марта 2019 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : docs.cntd.ru/document/804950557.

5. *О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики* : Закон от 27 ноября 2001 года (в ред. Законов УР от 21.06.2010 № 26-ПЗ, от 10.04.2015 № 15-ПЗ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : minnac.info/13993.html.

6. *О языках Республики Марий Эл* : Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 года № 290-III (с изменениями на 5 марта 2019 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : docs.cntd.ru/document/804919247.

7. *Россия в цифрах* : краткий статистический сборник. — Москва : Федеральная служба государственной статистики, 2018. — 522 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горячева М. А.* Динамика использования языков народов России в сфере образования за последние десятилетия в контексте социолингвистической проблематики / М. А. Горячева // Вопросы филологии. — 2018. — № 1 (61). — С. 20—26.

2. *Кондрашкина Е. А.* Динамика функционального развития марийского языка / Е. А. Кондрашкина. — Москва : Институт языкознания РАН, 2008. — 180 с.

3. *Кондрашкина Е. А.* Языковая ситуация и языковая политика в Республиках Марий Эл и Мордовия / Е. А. Кондрашкина // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. — Том 1. Актуальная языковая политика и языковая ситуация / под редакцией Д. Мюллер, М. Вингендер. — Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2017. — С. 221—235.

4. *Лаллука С.* К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России / С. Лаллука // Финно-угроведение. — 1999. — № 1. — С. 44—56.

5. *Никитина Т. Б.* Этногенез народа мари / Т. Б. Никитина // Марийцы : историко-этнографические очерки. — 2005. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ. — С. 23—27.

6. *Орешкина М. В.* Языковое законодательство в Российской Федерации / М. В. Орешкина // Язык и общество. Энциклопедия. — Москва : Институт языкознания РАН ; Азбуковник, 2016. — С. 835—846.

7. *Патрушев В.* Истоки религии финно-угорских народов / В. Патрушев // Финно-угроведение. — 2001. — № 1. — С. 92—99.

8. *Садиков Р. Р.* Удмурты — «язычники» : история формирования, расселения и современное состояние этноконфессиональной группы (XVIII — начало XXI в.) / Р. Р. Садиков // Финно-угроведение. — 2009. — № 2. — С. 35—53.

9. *Сануков К. Н.* Финно-угорские народы России : проблемы национального идентитета / К. Н. Сануков // Финно-угроведение. — 2001. — № 1. — С. 128—140.

10. *Свечников С. К.* Марийцы в XIII—XVI веках / С. К. Свечников // Марийцы : историко-этнографические очерки. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. — С. 28—35.

11. *Тепляшина Т. И.* Удмуртский язык / Т. И. Тепляшина // Государственные языки в Российской Федерации. — Москва : Academia, 1995. — С. 259—269.

12. *Тойдыбекова Л. С.* Марийская мифология / Л. С. Тойдыбекова. — Йошкар-Ола : Марийская бумажная компания, 2007. — 312 с.

13. *Федюнова Г. В.* Коми-зырянский язык / Г. В. Федюнова // Государственные языки в Российской Федерации. — Москва : Academia, 1995. — С. 109—121.

14. *Чагин Г.* Русские на Урале : формирование и взаимодействие с другими этносами в XVI—XIX вв. / Г. Чагин // Финно-угроведение. — 2001. — № 1. — С. 154—162.

15. *Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)* / Ю. П. Шабаев, О. В. Воронцов, О. В. Орлова, А. В. Мартыненко, Н. П. Миронов // Вопросы филологии. — 2018. — № 1 (61). — С. 62—74.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF LANGUAGE POLICY IN THE FINNO-UGRIC REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION

© **Elena A. Kondrashkina (2019)**, orcid.org/0000-0002-4839-2432, PhD in Philology, senior research scientist, Research Centre for National Language Relations, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e.kondrashkina@inbox.ru.

The features of the functioning of the Russian language in four Finno-Ugric republics of the Russian Federation, peoples of which entered the Russian state in the XV—XVI centuries, are examined. The consequences of the violent Christianization of the Finno-Ugric peoples are commented. The demographic features of the republics, as well as the current ratio of the Russian and the titular population are characterized. Based on the data on the reduction of the titular population, the question is raised about the possibility of calling these republics Finno-Ugric. The current situation of the Russian and state Finno-Ugric languages in the most important areas of communication is examined in detail. Particular attention is paid to legal acts establishing the status of languages in these republics, namely, laws on languages. Conclusions are drawn about the influence of laws on the linguistic situation and the linguistic competence of the population of the republics. The characteristic types of bilingualism in these regions are determined. The dominant position of the Russian language is stated. It is argued that national languages cannot compete with Russian. A forecast is made on the further development of the situation, in particular, on the functioning of national titular languages and Russian as state language. The novelty of this study is in the combination of historical and modern data, allowing to give a complete picture of the influence of the Russian language on the situation in the republics, to study the reasons for its distribution and dominance in these republics.

Key words: Finno-Ugric peoples; Russian language; state languages; language situation; language policy; language laws; national-Russian bilingualism; education system.

MATERIAL RESOURCES

- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v 11 tomakh: ofitsialnoye izdaniye, 4 (1).* (2012). Moskva: Statistika Rossii. (In Russ.).
- O gosudarstvennykh yazykakh Respubliki Komi: Zakon ot 28 maya 1992 goda (s izmeneniyami na 20.06.2016).* Available at: docs.cntd.ru/document/951605071. (In Russ.).
- O gosudarstvennykh yazykakh Respubliki Mordoviya: Zakon ot 6 maya 1998 goda № 19-Z (s izmeneniyami na 5 marta 2019 goda).* Available at: docs.cntd.ru/document/804950557. (In Russ.).
- O gosudarstvennykh yazykakh Udmurtskoy Respubliki i inykh yazykakh narodov Udmurtskoy Respubliki: Zakon ot 27 noyabrya 2001 goda (v red. Zakonov UR ot 21.06.2010 № 26-RZ, ot 10.04.2015 № 15-RZ).* Available at: minnac.ru/minnac/info/13993.html. (In Russ.).
- O yazykakh Respubliki Mariy El: Zakon Respubliki Mariy El ot 26 oktyabrya 1995 goda № 290-III (s izmeneniyami na 5 marta 2019 goda)* Available at: docs.cntd.ru/document/804919247. (In Russ.).
- Rossiya v tsifrakh: kratkiy statisticheskiy sbornik.* (2018). Moskva: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. (In Russ.).
- Vserossiyskaya perepis' 2002 goda.* Available at: www.perepis2002.ru. (In Russ.).

REFERENCES

- Chagin, G. (2001). Russkiye na Urale: formirovaniye i vzaimodeystviye s drugimi etnosami v XVI—XIX vv. *Finno-ugrovedeniye*, 1: 154—162. (In Russ.).
- Fedyuneva, G. V. (1995). Komi-zyryanskiy yazyk. In: *Gosudarstvennyye yazyki v Rossiyskoy Federatsii*. Moskva: Academia. 109—121. (In Russ.).
- Goryacheva, M. A. (2018). Dinamika ispolzovaniya yazykov narodov Rossii v sfere obrazovaniya za posledniye desyatletiya v kontekste sotsiolingvisticheskoy problematiki. *Voprosy filologii*, 1 (61): 20—26. (In Russ.).
- Kondrashkina, E. A. (2008). *Dinamika funktsionalnogo razvitiya mariyskogo yazyka*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
- Kondrashkina, E. A. (2017). Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Respublikakh Mariy El i Mordoviya. In: Myuller, D., Vingender, M. (eds.) *Mnogoyazychiye v Volgo-Uralskom regione*, 1. *Aktualnaya yazykovaya politika i yazykovaya situatsiya*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. 221—235. (In Russ.).
- Lalluka, S. (1999). K tipologizatsii razvitiya diaspornykh identichnostey finno-ugrov Rossii. *Finno-ugrovedeniye*, 1: 44—56. (In Russ.).
- Nikitina, T. B. (2005). Etnogenez naroda mari. In: *Mariytsy: istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI. 23—27. (In Russ.).
- Oreshkina, M. V. (2016). Yazykovoye zakonodatelstvo v Rossiyskoy Federatsii. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN; Azbukovnik. 835—846. (In Russ.).
- Patrushev, V. (2001). Istoki religii finno-ugorskikh narodov. *Finno-ugrovedeniye*, 1: 92—99. (In Russ.).
- Sadikov, R. R. (2009). Udmurty — «yazychniki»: istoriya formirovaniya, rasseleniya i sovremennoye sostoyaniye etnokonfessionalnoy gruppy (XVIII — nachalo XXI v.). *Finno-ugrovedeniye*, 2: 35—53. (In Russ.).
- Sanukov, K. N. (2001). Finno-ugorskiye narody Rossii: problemy natsionalnogo identiteta. *Finno-ugrovedeniye*, 1: 128—140. (In Russ.).
- Shabayev, Yu. P., Vorontsov, O. V., Orlova, O. V., Martynenko, A. V., Mironov, N. P. (2018). Yazykovaya politika i yazykovyye oriyentatsii naseleniya v natsionalnykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kulturnykh praktik (na primere regionov s finno-ugorskim naseleniyem). *Voprosy filologii*, 1 (61). 62—74. (In Russ.).
- Svechnikov, S. K. (2005). Mariytsy v XIII—XVI vekakh. In: *Mariytsy: istoriko-etnograficheskiye ocherki*. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI. 28—35. (In Russ.).
- Teplyashina, T. I. (1995). Udmurtskiy yazyk. In: *Gosudarstvennyye yazyki v Rossiyskoy Federatsii*. Moskva: Academia. 259—269. (In Russ.).
- Toidybekova, L. S. (2007). *Mariyskaya mifologiya*. Yoshkar-Ola: Mariyskaya bumazhnaya kompaniya. (In Russ.).